

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

Лечение болезней [на Мияко]¹

На островах Мияко, особенно в глухих деревнях, совершенно нет порядочных врачей, да и народ не особенно им верит и предпочитает обходиться домашними средствами. Приведу ниже несколько способов лечения некоторых болезней.

Весьма могущественным средством от всякого рода заболеваний, особенно при полной слабости и истощении организма, служит свежая козья кровь. Питие ее производится весьма варварским способом, а именно: козу подвешивают куда-нибудь к балке и наносят удар ножом в шейную артерию; затем в рану вставляют бамбуковую трубку, и через нее больной пьет горячую кровь. Тот же обычай существует и на островах собственно Окинава [см. сообщение г-на Суэёси Анкё в журнале «Додзоку то Дэнсэцу», декабрь 1918 г., № 4, с. 20. Автор говорит: «К тому же, как говорят, если данное лицо (т. е. больной) будет испытывать неприятное чувство (т. е. будет пить с отвращением), то не будет никакого действия»].

Лекарством от *so:bin-kusuri* «неправильного мочеиспускания» (= гонорея) является отвар из листьев дерева бива (*Eryobotrua japo-*

¹ Статья «Лечение болезней» (Архив востоковедов ИВ РАН, ф. 69, оп. 2, ед. хр. 202, л. 1–9.) была написана Н. А. Невским на материале непосредственных наблюдений, сделанных ученым во время его экспедиции на острова Рюкю. Эти поездки, первая из которых состоялась летом 1922 г., он совершал в каникулярное время (в те годы он преподавал в Осацком университете) с целью изучения рюкюского языка и фольклора.

Группа островов Мияко (семь островов в южной части архипелага Рюкю) была труднодоступной и вследствие этого малоизученной. Изолированность Мияко послужила причиной того, что в диалекте и фольклоре сохранились архаичные и наиболее интересные для исследования формы. Неудивительно, что это привлекло внимание ученого. Наряду со сбором материала по языку и фольклору Невский фиксирует и различные стороны быта островитян. Этнографический интерес не был случайным, он всегда сопутствовал филологическим изысканиям Невского. Он был близок к школе крупнейшего японского этнографа профессора Янагита Кунио. Несколько статей по различным вопросам этнографии Японии было опубликовано Невским на японском языке. В то же время Н. А. никогда не порывал связей с русскими учеными. Советами и поддержкой Л. Я. Штернберга он пользовался вплоть до самой смерти последнего. В Архиве РАН сохранилось письмо Н. А. Невского к Л. Я. Штернбергу. Оно позволяет судить, как высоко ценил Невский помощь человека, которого считал своим учителем в области этнографии.

«... Страшно Вам благодарен и признателен за отдельные оттиски Ваших статей <...> и за целую посылку с массой интереснейших книг...»

«Ваши статьи и работы были для меня наиболее ценны, т[ак] к[ак] они открывают глаза на многие явления японской этнографии». И далее: «... Хотелось бы получить весь сборник (Известий Этнографического музея), посвященный Радлову, а не только вторую часть. Пришлите еще книг! За всякую присланную брошюру или книгу буду страшно благодарен» (Осака, 4 июля 1927 г.) — Архив РАН, ф. 282, оп. 2, ед. Хр. 211, л. 1–5.

Статья «Лечение болезней» не датирована, но можно предположить, что она была написана не позднее 1929 г., так как по возвращении на Родину Невский в основном занимается тангутикой и много времени отдает преподавательской работе.

nica [*Lindul*]; привозится из Окинава), сахарных леденцов (*ko:risa-ta:*) и китайского чая, что и пьет больной. В волости Сымудзы лекарством от той же болезни служит особый вид крабов, *taku-gan*, которые обычно водятся в старых заброшенных гробницах, называемых *zzaja:*. Этот краб весьма ценится и в Псара, где считается наилучшим слабительным. При легких запорах в Псара принято давать козлятину. При заболевании сифилисом, *naban'a* (в некоторых местах — *nabani*, вероятно, испорченное *namban* или *naban* «южные варвары», «страна южных варваров»; туземцы считают, что эта болезнь занесена с юга) считают необходимым прежде всего вывести яд наружу, для чего больному дают мясо козы (*pinsa*). Когда все тело покрывается язвами и болячками, их начинают подсушивать, для чего больному дают собачье мясо.

Лучшим средством от проказы в волости Сымудзы считается мясо младенцев от 1/2 до 1 1/2 года, так называемых *ssavva* (букв.: «белый младенец»); поэтому в данной волости нередки будто бы кражи трупов младенцев.

Лечение всякого рода лихорадок и простуды (*nici* «жар», или *jakijam* «горячка») производится большими листьями растения, называемого *ja:tanitmagaju:spazusa* «трава-моча старухи из Яэяма» (горной старухи?). Сок листьев высасывают в качестве внутреннего, а остатками обкладывают голову, грудь и другие части тела для оттягивания жара.

Корь, *zgasas*, считается болезнью, которую обязательно должен перенести каждый. Поэтому, когда в каком-нибудь доме ребенок заболевает корью, соседи нарочно посылают своих детей в такой дом поиграть, чтобы и их дети поскорее заразились этой болезнью, так как в зрелом возрасте она может быть опасна. Больному ребенку родители отводят тихую комнату в задней части дома; в качестве внутреннего дают отвар из растений *sibira*, называемый *sibiraju:*, и не дают ничего жирного и масляного. Для развлечения больного поют или играют на музыкальных инструментах. (Абсолютно тот же обычай скорейшего заражения детей корью наблюдается и во многих местах Японии, например, в уезде Сякотан на Хоккайдо, где прежде так же смотрели и на натуральную оспу.)

Относительно лечения коклюша, *ju:bi-isaku* (ныне обычно называется японским словом *sakunicigai*), *to:simba:z* «свинки» и *cura-gasa* «натуральной оспы» сообщавшие мне туземцы не знали ничего особенного.

Помимо лечения болезней теми или иными «лекарствами» должно упомянуть еще о лечении посредством заговоров, каковое в малокультурных обществах имеет даже большую силу, чем первое. В деревне Сарахама на о-ве Ирав даже существуют особые специалистки-знахарки, называемые *si:jum'a*, которые лечат все болезни исключительно заговорами, *si:jum*. Слово *si:*, например, на том же острове в деревне Са:да значит «резон», «довод», «предлог», а *jum* имеет зна-

чение «говорить»; таким образом, слово *si:jum* можно перевести «урезонивание», а *si:jum'a* «тот, кто урезонивает». По рассказу одного из жителей Сарахама, один из его приятелей три года лечился от какой-то болезни у японского врача в городе Кагосима, но, не видя никакой пользы и не будучи в состоянии работать вследствие болезни, вернулся в родную деревню и обратился к *si:jum'a*; последняя только произнесла какое-то заклинание с соответствующими магическими действиями, и через короткое время болезнь как рукой сняло.

В деревне Са:да заклинания носят название *fci-paraz*, т. е. «изустное очищение».

Жители Сарахама, равно как и все прочие жители островов Мияко, чтобы узнать причину болезни, обычно обращаются к шаманкам (в Сарахама ныне шаманы), называемым *munusi:* («знахарка», «знахарь»), *kamkakar'a* («одержимая богами»), *kamtitca* (этимология слова мне неясна; первая часть, несомненно, означает «божество»; данное слово употребляется в волости Сымудзы) и пр.

Шаманка низводит на себя духов и изрекает обвинительный текст, из которого больной или его родственники узнают причину болезни. Большей частью такой причиной оказывается *tatal* (в Псара *tataz* = яп. татары) «возмездие» (данное слово не поддается точному переводу на европейские языки) того или иного божества или животного, вызванное нерадением к божеству или убийством, увечьем или побоями, причиненными тому или иному живому существу. Из оракула шаманок больной узнает также, когда ему суждено поправиться. При этом шаманки иногда предписывают чествовать так называемого *tav-gam*, т. е. «бога-хранителя», для которого тогда в *ni-bansa* («комната № 2») подвешивают специальную полку несколько ниже потолка и чествуют, как своих предков (для последних в каждом доме имеется специальная божница), поднося вино, чай, цветы и пр. Чествование *tav-gam* исключительно женская обязанность. О благодетельном влиянии *tav-gam* (иногда просто называется *tav* «хранитель») на жизнь обитателей дома можно судить хотя бы по распространенному выражению: *tavva tumo:si: karadu masasfu nar'u:z*, т. е. «после приглашения хранителя как время спало».

Вследствие своего весьма кратковременного пребывания в Сарахама (всего несколько часов) мне не удалось поговорить с *si:jum'a* и собрать от них заклинания; что же касается *kamkakar'a*, то это всюду мне было недоступно. Шаманки ныне запрещены и строго преследуются японской полицией за поддержание и распространение в народе суеверий, поэтому они страшно боятся невиданного никогда *оранда* (собственно голландец; так всюду на Рюкю называют европейцев) и упорно отрицают свое ремесло, хотя тайком от полиции продолжают им заниматься по-прежнему.

В Псара лица, обращающиеся к *kamkakar'a*, обычно платят последним деньгами и натурой, тогда как в Сарахама, например ни *si:jum'a*, ни *munusi:* не принято давать ни сэны. Жители мотивируют

это приблизительно следующим образом: «Шаманки и знахарки такие же люди, как и все; раз они нуждаются в нашей помощи, например при постройке дома и пр., мы делаем это охотно и безвозмездно; но с какой же стати мы будем платить им, ведь они обязаны помогать нам».

Приведу ниже несколько распространенных заклинаний и магических действий, которые мне удалось собрать.

Когда, например, у ребенка болит живот, мать поглаживает по животику, приговаривая: *paq²i fsun nari, pssa fsun nari* «подножным прахом сделайся, ступни прахом сделайся!» (Агазнакадзуни в Псара). На о-ве Тарама в селении Накасыдзы в данном случае мать говорит: *baga ngadi karadi:si nadiba:assfs'u pssafs'unk'e:nari:tubi* «так как глажу невкусной рукой, горькой рукой, то, ног прахом, ступни прахом сделавшись, беги!» Кого же это гонят в ноги, а из ног в подножный прах? Ответ на это дает заклинание деревни Са:да (на о-ве Ирав). Когда болит живот, больной, кто бы это ни был, берет в руки какой-нибудь острый предмет вроде *si:pa* (женская головная шпилька), *katana* (кухонный нож), *m:pur'a* (нож для выкапывания картофеля) и пр. и, подышав на острие, водит по животу в разных направлениях, приговаривая: *baga para:ba pasinkai smunkai uri:p'ari ma nukiri ma nukiru gu:gu: cicicici mm'a jukalm* «так как я изгоняю, то в ноги, вниз спускаясь, уходи! Демон сгинь! Демон сгинь! Вот как! Вот как! Я колю! Я колю! Уже прошло!»

В селении Уидзы (волости Сымудзы), когда у детей болит живот, их товарищи хором расппевают:

<i>a: gaitandi jo:nu</i>	Ой, ой, ой!
<i>batanudu ja:n</i>	Живот болит!
<i>ku:su:fa:i</i>	Перцу поел —
<i>masari:du ja:n</i>	Еще больше болит.
<i>tu:nakua fa:i</i>	Яиц поел —
<i>nua:zdu si:</i>	Прошло.
<i>gak^si ba ta-ga ma</i>	Скверный животишко!

По этой песенке мы можем судить о медицинских средствах, на самом деле применяемых в вышеназванной деревне при болезнях живота, а именно: прежде всего больному дают кайенского перца, от чего боли усиливаются, после этого дают куриных яиц, и боль тогда вскоре будто бы прекращается.

В Агазнакадзуни (в Псара), подавившись рыбной костью, дышат трижды в пустую горсть руки и затем, поглаживая горло, приговаривают:

<i>atahfu atahfu</i>	Атахфу, атахфу!
<i>tanta tanta</i>	Танта, танта!
<i>atahfunu nudunna</i>	В горле атахфу,
<i>tantanu nudunna</i>	В горле танта.

pan'a: kakaran

Кость не застрекает,

pan'a: kakaran

Кость не застрекает!

По словам г-на Томимори Квантаку, сообщившего мне это заклинание, *атахфу* — будто бы название какой-то речной или морской птицы вроде корморана, питающейся рыбой; птица эта иначе называется еще *танта*. В Сарахама мне говорили рыбаки, что *танта* — это название громадной птицы вроде орла, питающейся даже крупной рыбой; в той же деревне есть слово *атахфу*, употребляющееся в смысле «есть до отвала» «[есть] сытно, много» (яп. *тарифуку*).

Относительно надыхания при этом заговоре, равно как при вышеописанном заговоре деревни Са:да, замечу, что надыхание и оплевывание в народных суевериях всех стран и народов являются могущественными средствами против болезней и всяких козней злых духов (ср.: В. Вундт. Миф и религия, с. 66; СПб.: Изд. Брокгауза и Ефрона).

При непрекращающейся икоте в волости Сымудзы (равно как и в Псара) наливают воды в чашку, кладут на нее крестообразно *umisi* (две палочки для еды) или какие-нибудь другие две тонкие палочки и отпивают по одному глотку из каждого отделения чашки, отсеченного палочками.

При чихании принято присутствующим говорить *kusk'a* (в большинстве местностей собственно Японии в таком случае говорят *хакк-сё*). В некоторых местах, когда чихает ребенок, то он сам говорит *kusu*, а мать или кто-нибудь из присутствующих говорит *ujaki* («богатый»). В Окинава при чихании присутствующие говорят *kuskwe* (односложно со звучанием слов «ешь экскременты!»).

О происхождении этого обычая в Окинава существует следующее предание. Один человек при рождении ребенка пригласил на торжество по случаю родов встреченную им *дзури* (проститутку) из Цидзи (название проституционного квартала, прежде деревни, в городе Нафа). Эта *дзури* оказалась не простым человеком, а демоном, духом покойной проститутки. Когда хозяину удалось-таки ее выпроводить из дому, он пошел за ней следом и у одной могилы позади Цидзи услышал следующий разговор: «Что это ты так поздно? Войти воспрещается!» — «Да простите же! Меня надул сидзя (= человек) и затащил с собой на родину, оттого я так и запоздала. Если я принесу того ребенка, тогда ведь вы простите?» — «Конечно, если принесешь ребенка, то можно, пожалуй, и простить, но как же ты его возьмешь?» — «А я заставлю младенца чихнуть и тогда смогу его принести». — «Полно! Да разве таким способом ты завладеешь ребенком? Сидзя все знает! Если он, когда ты заставишь ребенка чихать, скажет *кускве*, ведь тебе ничего не поделать! А?» Слышавший весь этот разговор отец ребенка поспешил поскорее домой и рассказал о только что слышанном. Когда ребенок начал чихать, все при-

сутствующие говорили *кускве, кускве*, и потому демон, как ни бился, ничего не мог поделывать. Поэтому-то и до сих пор при чихании принято говорить *кускве* (Сакима Кё:зи. Нанто: Сэцува (Сказания Южных Островов), с. 65, 67. То:ко:, 1922. Изд. Кё:зо кэнкю:ся, в серии «Рохэн Со:сё», «У камелька»). На Хоккайдо в уезде Сякотан при чихании присутствующие говорят тоже: *кускура* «ешь экскременты!»

Все вышепоименованные выражения — *куска, кусу, кускве, кускури* и пр. — несомненно, основаны на звукоподражании чиханью (которое по-японски называется *кусами*). Однако считается, что при чиханье душа как бы покидает тело, а, следовательно, враждебным человеку духам представляется прекрасный случай похитить эту душу. Сходство звуков при чиханье со словом *кусу* («экскременты») породило все упомянутые чародейские выражения, которые вообще своим магическим действием в народном суеверии противопоставляются злomu влиянию. Сравнить хотя бы японский обычай, по которому вор, забравшийся ночью в спальню, оставляет на полу экскременты, чтобы обезопасить себя. Подобный же обычай существует и у европейских воров (см.: В. Вундт. Миф и религия, с. 66, примеч. 1). В разбираемом нами случае, при чиханье, выражение *кусу* и пр. заменяет собой настоящие экскременты, а последние, как и «все то, что человек выделяет наружу или что отнимает от его тела, заключает в себе душевные силы» (Вундт. *Op. cit.*, с. 69), которые противопоставляются злomu влиянию чужих душевных сил и побеждают их или, в крайнем случае, ослабляют их злое влияние.

Укажу еще на одно заклинание, собственно, не имеющее непосредственного отношения к болезням, но направленное на то, чтобы избежать несчастья, а может, даже и смерти, а именно: во время землетрясений принято говорить *скаска*. В Японии в данном случае говорят *кува-бара* «тутовая роща» (вообще в Японии тутовое дерево считается магическим, уничтожающим влияние злого духа).

Скажу еще здесь два слова о так называемом *ju-ura* «ночном гадании». Во время болезни кого-нибудь из членов семьи, равно как перед браком или каким-нибудь важным предприятием, жители Мияко-дзима молятся своим предкам перед *kamtana* «божницей» возжигают курительные свечи *Ко* и просят указать, каков будет исход болезни или предприятия. После этого вечером отправляются из дому квартала за два и по обрывкам речей, уловленных из разговоров встречных, гадают о будущем, считая это знамением, указанным предками. В древней Японии подобное же гадание носило название *юготои*, а в провинции Исэ гадание по обрывкам речей возвращающихся домой молодых жриц (так называемых *кора*) называлось *оигэ-вокику*¹.

¹ Перевод А. Н. Мещерякова.